

К вопросу о «критических точках» революционного процесса в 1917 году

В. А. Гуторов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Гуторов В. А.* К вопросу о «критических точках» революционного процесса в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 15–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.102>

Статья посвящена анализу ключевых моментов развития революционного процесса в России в 1917 г., конечным результатом которого стал вооруженный захват власти партией большевиков. Целенаправленная реализация этой стратегии в обстановке мировой войны и революционной ситуации, возникшей в феврале 1917 г., фактически исключала возможность мирного разрешения политического конфликта и сделала неотвратимой гражданскую войну в России. Крах российской монархии стал результатом переплетения множества объективных и чисто субъективных обстоятельств, среди которых радикальная большевистская политика играла решающую роль. Именно ситуация гражданской войны во многом предопределила характер модернизации России в XX в. Ее драматический опыт отчетливо показывает, что гораздо легче декретировать демократические институты, чем развить политические условия и практику, необходимые для создания стабильной системы демократического правления.

Ключевые слова: революция, политический кризис, большевизм, гражданская война, политические институты, социальный конфликт.

В современном научном мире остается все меньше ученых, которые склонны принять как данность и защищать тезис о «бескровной победе», одержанной большевиками в октябре 1917 г. Все больше распространяется понимание того очевидного исторического факта, что убийство Александра II, совершенное народолюбцами 1 марта 1881 г., фактически стало отправным пунктом волны террора, захлестывавшей Россию на протяжении более чем полувекового периода. Это хорошо понимали и многие представители русского интеллектуального мира, на глазах которых разыгрывалась жестокая революционная драма.

В постреволюционной России в 1920–1930-е годы советские правители всячески стремились «легитимизировать» идею террора, соединяя и закрепляя в исторической памяти отечественную и якобинскую традиции, превращая революционный терроризм в объект культа и в одну из основ государственной пропаганды и системы политического образования. Это проявлялось не только в поспешном сооружении в Москве сразу после Октябрьской революции помпезных памятников вождям якобинцев или же в том, что ряд улиц в центре Санкт-Петербурга, бывшей имперской столицы, переименованной в Ленинград, были названы именами убийц Александра II, но и, в частности, в целенаправленной издательской политике:

переводились в основном книги по истории Французской революции, авторы которых явно сочувствовали якобинским идеям.

Одним из возможных объяснений стремления большевистского руководства к проведению такого рода «образовательной политики» является утопическая идеализация террористических практик, основанная на стремлении подражать во всем своим якобинским предшественникам. Разумеется, невозможно отрицать наличия множества элементов утопизма в программных установках большевиков, которые были изначально свойственны любому социалистическому направлению в эпоху модерна. Марксизм в этом плане не исключение.

Вместе с тем следует признать, что как накануне, так и на всех этапах развития революционного процесса в России большевикам почти всегда удавалось органично соединять (в том числе и в чисто прагматическом плане!) утопические элементы собственной социалистической программы с мессианскими настроениями и чаяниями русского крестьянства. Сразу после 25 октября 1917 г. это проявилось, в частности, в крайне удачном и своевременном «перехвате» эсеровской программы земельной реформы, обеспечившем легитимность новому большевистскому правительству в самые сложные и кризисные моменты. Гибкость большевистской тактики впоследствии признавал и Н. А. Бердяев. «Русские, — отмечал он, — по характеру своему склонны к максимализму и максималистический характер русской революции был очень правдоподобен... Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям... Он воспользовался русскими традициями деспотического управления сверху вместо непривычной демократии, для которой не было навыков... Он воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризованному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом... Он провозгласил обязательность целостного, тоталитарного мирозерцания, господствующего вероучения, что соответствовало навыкам и потребностям русского народа в вере и символах, управляющих жизнью и т. д.» [1, с. 113, 114–115].

В связи с этим возникает следующий вопрос: какие именно элементы большевистской стратегии и тактики сделали неизбежной гражданскую войну в России, продолжавшуюся более трех лет? Для ответа на данный вопрос необходимо последовательно рассмотреть особенности развития революционного процесса в 1917–1918 гг. Февральская революция 1917 г. и особенно ее драматические итоги представляются чередой исторических загадок и по сей день ставят перед учеными политическими аналитиками множество неразрешимых проблем и дилемм. Характер и общая «тональность» оценок, даваемых февральским событиям сто лет спустя, свидетельствуют о крайнем удивлении, испытываемом современными исследователями при анализе той «игры в поддавки», которую Временное правительство вело с Лениным и большевиками, никогда особенно и не скрывавшими своих намерений свергнуть это правительство и захватить власть, опираясь на солдатские штыки [2].

Первым ходом в этой игре стал «приказ № 1, изданный Петроградским советом. Он был составлен и издан 1 марта 1917 г., еще до получения известия об

отречении Николая II (2 марта), что дает основание характеризовать его как акт неприкрытой государственной измены. Согласно этому приказу, руководство частями переходило в руки выборных представителей от нижних чинов, которые делегировали своих депутатов в вышестоящие органы военной власти. Все решения генералов и офицеров ставились под контроль этих представителей. Строгая дисциплина, безусловное подчинение нижестоящих вышестоящим отменялись. Таким маневром армия из защитницы Отечества превращалась в неуправляемое стадо, становилась крайне опасным орудием разрушения государственного порядка» [2].

Совершенно очевидно, что именно дезорганизация вооруженных сил России, одной из главных причин которой был пресловутый приказ № 1, стала прелюдией октябрьского переворота. Будущие его руководители прекрасно это понимали. Среди материалов к биографии Ленина, собранных Троцким, имеется и следующий, весьма знаменательный комментарий последнего, несомненно, суммирующий общую оценку обоими большевистскими вождями открывающихся новых перспектив: «Вот что слышал и видел Ленин, вот что он физически чувствовал, с неотразимой ясностью, с абсолютной убедительностью, прикоснувшись после долгого отсутствия к охваченной спазмами революции стране. “Вы, дурачки, хвастунишки и тупицы, думаете, что история делается в салонах, где выскочки-демократы амикошонствуют с титулованными либералами, где вчерашние замухрышки из провинциальных адвокатов учатся наскоро прикладываться к сиятельнейшим ручкам? Дурачки! Хвастунишки! Тупицы! История делается в окопах, где охваченный кошмаром военного похмелья солдат всаживает штык в живот офицеру и затем на буфере бежит в родную деревню, чтобы там поднести красного петуха к помещицкой кровле. Вам не по душе это варварство? Не прогневайтесь, отвечает вам история, чем богата, — тем и рада”» [3, с. 52–53].

Среди авторов самого документа обычно фигурируют члены Петросовета Ю. М. Стеклов (Нахамкес), сотрудничавший с Лениным в эмиграции в парижской школе подготовки партийных кадров «Лонжюмо», будущий главный редактор «Известий», и адвокат Н. Д. Соколов. Личность последнего вызывает особенный интерес у современных историков, причем по весьма специфическим причинам. «Необходимо, — отмечает В. В. Кожинов, — взглянуть в фигуру Соколова. Ныне о нем знают немногие... Лишь гораздо позднее стало известно, что Соколов, как и Керенский, был одним из руководителей российского масонства тех лет, членом его многочисленного “Верховного совета” (Суханов, кстати сказать, тоже принадлежал к масонству, но занимал в нем гораздо более низкую ступень)... И к настоящему времени неопровержимо доказано, что российское масонство XX века, начавшее свою историю еще в 1906 году, явилось решающей силой Февраля прежде всего именно потому, что в нем *слились воедино* влиятельные деятели различных партий и движений, выступавших на политической сцене более или *менее разрозненно*. Скрепленные клятвой перед своим и, одновременно, высокоразвитым западноевропейским масонством... эти очень разные, подчас, казалось бы, совершенно несовместимые деятели — от октябристов до меньшевиков — стали дисциплинированно и целеустремленно осуществлять единую задачу. В результате был создан своего рода мощный кулак, разрушивший государство и армию... Масонам в Феврале удалось быстро разрушить государство, но затем они оказались совершенно бессильными и менее чем через восемь месяцев потеряли власть, не сумев оказать,

по сути дела, ровно никакого сопротивления новому, Октябрьскому, перевороту...» [4, с. 175–177, 180] (ср. однако: [5, с. 295–297; 6, с. 383–396; 7, с. 239 сл.]).

Хорошо известным является и следующий исторический факт, связанный с распространением приказа № 1 в армейской среде: «В ночь с 1 на 2 марта подрывавший армию рескрипт был отпечатан в виде листовок (9 млн экз.!) и отправлен на фронт (вся Русская армия тогда насчитывала 11 млн чел.). Кстати, на участие противника в его фабрикации указывает тот факт, что дополнительный тираж приказа поступил в русские окопы... с немецкой стороны! И не случайно даже один из главных зачинщиков Февральской революции, председатель Госдумы М. В. Родзянко, специально изучавший вопрос о появлении на фронте приказа № 1, не сомневался в его немецком происхождении» [2].

В связи с этим обстоятельством некоторые историки склонны подозревать существование некоего скоординированного немецкого плана разрушения российского государства и его главной опоры — армии, невольными или, наоборот, сознательными исполнителями которого были как масонские члены Временного правительства, так и большевистские лидеры с Лениным во главе. «Вместе с генеральным лозунгом превращения империалистической войны в войну гражданскую, — отмечает, например, Г. В. Вернадский, — Ленин... выдвигал и частную задачу: желательность военного поражения России. Эту войну Россия вела против Центральных европейских держав. Таким образом, поражение России могло означать только победу Германии. Следовательно, ленинский интернационализм, на словах осуждая германскую буржуазию (равно как и буржуазию других стран), на практике играл на руку германским “социал-патриотам” и в целом германской буржуазии и кайзерскому режиму... Осенью 1915 года немецко-русский социал-демократ Парвус (участвовавший в русской революции 1905 года) объявил в своей, издаваемой в Берлине газете “Die Glocke” (“Колокол”), что он призван “служить интеллектуальным барометром отношений между вооруженной Германией и революционным российским пролетариатом”. Парвус намекал своим читателям на то, что Германский генеральный штаб добивается революции в России. Следует отметить, что он употреблял в основном абстрактные фразы из резолюций Ленина. Но для Ленина Россия была только одной из составляющих генеральной политики интернационализма. Он не испытывал сожаления, что, согласно его концепции, Россия потерпит поражение» [8, с. 132–133].

Эпохальным финалом, знаменовавшим полный крах либерально-демократических иллюзий в России и перспективу возврата к жесткой авторитарной модели развития на новом «тоталитарном витке» исторической спирали, стал разгон большевиками Учредительного собрания [8, с. 180–183] (см. также: [9, с. 228–254]).

Логика дальнейшего развития событий заставляет предположить, что разгон Учредительного собрания большевиками в январе 1918 г., по существу, можно рассматривать не только как символ будущей победы тоталитарного государства над «мелкобуржуазной стихией», олицетворяемой русским крестьянством, которое составляло абсолютное большинство населения страны, но, в определенной степени, и как продолжение реализации «стратегии опережающего удара». Она оправдала себя в октябрьские дни 1917 г., в период крестьянских бунтов и восстаний в 1918–1920 гг. и, наконец, в период коллективизации. Суть этой стратегии была чрезвычайно точно определена Львом Троцким, отмечавшим, что на первом

решающем этапе благодаря союзу с крестьянами, одетыми в солдатские шинели, большевикам удалось почти бескровно захватить власть в столице. «Октябрьская революция, — утверждал Троцкий, — была борьбой пролетариата против буржуазии за власть. Но решал исход борьбы в последнем счете мужик. Эта общая схема, распространяющаяся на всю страну, в Петрограде нашла наиболее законченное выражение. То, что придало здесь перевороту характер короткого удара с минимальным количеством жертв, это сочетание революционного заговора, пролетарского восстания и борьбы крестьянского гарнизона за самосохранение. Руководила переворотом партия; главной движущей силой был пролетариат; вооруженные рабочие отряды являлись кулаком восстания; но решал исход борьбы тяжеловесный крестьянский гарнизон... Взвесить революционное влияние рабочих на крестьянство невозможно: оно имело постоянный, молекулярный, всюду проникающий и поэтому не поддающийся учету характер. Взаимопроникновение облегчалось тем, что значительная часть промышленных предприятий размещена в сельских местностях. Но даже и рабочие Петрограда, наиболее европейского из городов, сохраняли близкие связи с родными деревнями. Усилившаяся в летние месяцы безработица и локауты предпринимателей выбрасывали в деревню многие тысячи рабочих; большинство их становилось агитаторами и вожаками... Политическая свобода крестьянина означает на практике свободу выбирать между разными городскими партиями. Но и этот выбор не производится априорно. Своим восстанием крестьянство толкает большевиков к власти. Но, только завоевав власть, большевики смогут завоевать крестьянство, превратив аграрную революцию в закон рабочего государства... Чисто демократический характер крестьянского движения, который должен бы, казалось, придать официальной демократии несокрушимую силу, на самом деле полнее всего обнаружил ее гнилость. Если глядеть сверху, крестьянство сплошь возглавлялось эсерами, выбирало их, шло за ними, почти сливалось с ними. На майском съезде крестьянских советов Чернов получил при выборах в Исполнительный комитет 810 голосов, Керенский — 804, тогда как Ленин собрал всего-навсего 20 голосов. Недаром Чернов именовал себя селянским министром! Но недаром и стратегия сел круто разошлась со стратегией Чернова. Хозяйственная разобщенность делает крестьян, столь решительных в борьбе с конкретным помещиком, бессильными пред обобщенным помещиком в лице государства. Отсюда органическая потребность мужика опереться на сказочное государство против реального. В старину он создавал самозванцев, сплачивался вокруг мнимой золотой грамоты царя или вокруг легенды о праведной земле. После Февральской революции он объединялся вокруг эсеровского знамени “Земля и воля”, ища в нем помощи против либерального помещика, ставшего комиссаром. Народническая программа относилась к реальному правительству Керенского, как поддельная царская грамота — к реальному самодержцу» [10, с. 259–260, 19, 25, 18].

В конце XX в. точность анализа Троцким политической ситуации и «крестьянского вопроса» в России накануне и после Октябрьской революции была в определенной степени подтверждена В. В. Кожиновым. «Естественно встает вопрос, — отмечал он, — о преобладающей части населения России — крестьянстве. Казалось бы, именно оно должно было решать судьбу страны и, разумеется, судьбу Революции. Однако десятки миллионов крестьян, рассеянные на громадном пространстве

России, в разных частях которой сложились существенно различные условия, не представляли собой сколько-нибудь единой, способной к решающему действию силы... Вообще-то сотни тысяч крестьян в то время всецело поддерживали “черносотенцев”, но это не могло привести к весомым результатам, ибо дело Революции решалось в “столицах”, в “центре”, который — поскольку Россия издавна была принципиально “централизованной” в политическом отношении страной — мог более или менее легко навязать свое решение провинциям... Совершенно ложно представление, согласно которому революции устраивают нищие и голодные: они борются за *выживание*, у них нет ни сил, ни средств, ни времени готовить революции. Правда, они способны на отчаянные бунты, которые в условиях уже подготовленной другими силами революции могут сыграть огромную разрушительную роль; но именно и только в уже созданной критической ситуации (так, множество крестьянских бунтов происходило в России и в XIX веке, но они не вели ни к каким существенным последствиям)» [4, с. 68–70].

И действительно, последующие несколько лет практически вся крестьянская Россия превратилась в «русскую Вандею», с которой новая власть вела непримиримую войну, используя те же методы, которые якобинцы когда-то применяли в Бретани. «Массовые восстания начались с лета 1918 года. В Центральной России их было не менее 300: в Смоленской, Воронежской, Новгородской, Псковской, Костромской, Петроградской губерниях. Одно было под Москвой — в Дмитровском уезде. Особенно массовым было пензенское восстание. В связи с его подавлением Ленин телеграфировал: “Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об исполнении”. “Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от Вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены Вами. Бездеятельность Ваша преступна. Надо все силы направлять на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба”. “Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно — сначала против одной волости, доводя дело до конца”. Ленин завизировал телеграмму Цюрупы, в которой требовалось назначить по каждой волости заложников, на которых возложить обязанность собрать все излишки хлеба и вывезти его на ссыпные пункты» [11, с. 50–51].

Общая конфигурация исторических фактов, характеризующих переход Февральской революции на более радикальную стадию разрушения традиционных политических институтов, на протяжении столетий формировавших механизмы российской монархической государственности, определенно свидетельствует о том, что ее крах стал результатом переплетения множества объективных и чисто субъективных обстоятельств, среди которых большевистская стратегия вооруженного захвата власти и гражданской войны играла решающую роль. Именно ситуация гражданской войны во многом предопределила характер модернизации России в XX в. Хотя представление о том, что либерально-демократическое государство является наиболее адекватной формой политической организации, соответствующей цивилизованным отношениям, выглядит идеологически и ценностно ориентированным, в историческом плане оно отражало широкое распростра-

нение либеральных идей и институтов в XIX — начале XX в., затронувших все без исключения европейские страны, включая традиционные монархии. С кризиса этих институтов после Первой мировой войны начался процесс развития в тоталитарном направлении в России, Италии и Германии. В тех европейских странах, где было достигнуто наибольшее равновесие между организацией производства и политической системой, коммунизма и фашизма удалось избежать. Однако исторический опыт показывает, что более глубокой причиной подобных резких изменений и переворотов является стремление к модернизации стран, отстающих в развитии, как ответ на вызов, брошенный техническим процессом. В длинном ряду современных военных диктатур и авторитарных режимов тоталитарные государства могут рассматриваться как своеобразная аномалия. Тем не менее при всем различии тоталитарных и авторитарных режимов возможно их сопоставление как *современных государств*, идущих по пути модернизации. «...коммунистические режимы — отмечает, например, Т.МакДаниэл, — в целом могут быть сгруппированы с некоторыми некоммунистическими государствами, такими как Турция Ататюрка, в качестве осуществляющих модернизацию однопартийных диктатур. Хотя вполне подходит называть таких правителей, как Сталин и Ататюрк, автократами, такая автократия имеет отличие: не стремясь к личному правлению, основанному на традиционной легитимности, эти правители рвут с прошлым, пропагандируя идеологии обновления и обеспечивая массовое участие посредством развития массовых политических организаций... Такие автократические системы мобилизации ясно доказали способность создать основы современного индустриального общества. В определенном, самом крайнем случае, продемонстрированном сталинской системой, они действовали, фактически уничтожая отдельное существование гражданского общества — факт, указывающий на ту огромную цену, которую эти режимы были готовы платить за свою версию прогресса» [12, p. 10] (ср.: [13, с. 191, 193, 206, 255]).

Трагический опыт Февральской революции 1917 г. отчетливо показывает, что гораздо легче декретировать демократические институты, чем развить политические условия и практику, необходимые для создания стабильной системы демократического правления.

Литература

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Пронин А. Игра в поддавки. Россия-1917: путь к катастрофе. URL: <http://myhistori.ru/blog/43462157316/Igra-v-poddavki> (дата обращения: 02.10.2017).
3. Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М.: Грифон М, 2005. 128 с.
4. Кожин В. В. Россия. Век XX-й (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. (Опыт беспристрастного исследования). М.: Алгоритм, 1999. 560 с.
5. Брачев В. С., Шубин А. В. Масоны и Февральская революция 1917 года. М.: Яуза-Пресс, 2007. 352 с.
6. Брачев В. Масоны у власти. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 640 с.
7. Соловьев О. Ф. Русские масоны. От Романовых до Березовского. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 512 с.
8. Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. М.: АГРАФ, 2000. 309 с.
9. Краус Т. Ленин. Социально-теоретическая реконструкция. М.: Наука, 2011. 395 с.
10. Троцкий Л. Д. История русской революции. СПб.: Лань, 2014. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. 398 с.
11. Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. 448 с.

12. McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. 239 p.

13. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.

Статья поступила в редакцию 26 октября 2017 г.

Статья рекомендована в печать 5 декабря 2017 г.

Контактная информация:

Гуторов Владимир Александрович — д-р филос. наук, проф.; gut-50@mail.ru

To a question of “critical points” of the revolutionary process of 1917

Gutorov Vladimir A.

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Gutorov V. A. To a question of “critical points” of the revolutionary process of 1917. *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 1, pp. 15–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.102>

The article is devoted to an analysis of the key moments of development of the revolutionary process in Russia in 1917 the final result of which was the armed seizure of power by the Bolshevik Party. The purposeful implementation of this strategy in the context of a world war and the revolutionary situation that arose in February 1917 virtually excluded the possibility of a peaceful resolution of the political conflict and made civil war in Russia inevitable. The collapse of the Russian monarchy was the result of an interweaving host of objective and purely subjective circumstances, among which radical Bolshevik politics played a decisive role. It was the situation of the civil war that largely predetermined the nature of Russia's modernization in the twentieth century. Her dramatic experience clearly shows that it is much easier to decree democratic institutions than to develop the political conditions and practices necessary to create a stable system of democratic governance.

Keywords: revolution, political crisis, Bolshevism, civil war, political institutions, social conflict.

References

1. Berdiajev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [*The origins and meaning of Russian communism*]. Moscow, Nauka, 1990. 224 p. (In Russian)

2. Pronin A. *Igra v poddavki. Rossiia-1917: put' k katastrofe* [*Game of give-away. Russia-1917: path to disaster*]. Available at: <http://myhistori.ru/blog/43462157316/Igra-v-poddavki> (accessed: 02.10.2017). (In Russian)

3. Trotsky L.D. *O Lenine. Materialy dlia biografa* [*About Lenin. Materials for the biographer*]. Moscow, Grifon M Publ., 2005. 128 p. (In Russian)

4. Kozinov V. V. *Rossiia. Vek XX (1901–1939). Istoriia strany ot 1901 goda do «zagadochnogo» 1937 goda. (Opyt bespristrastnogo issledovaniia)* [*Russia. Century XXth (1901–1939). The history of the country from 1901 to the “mysterious” 1937. (The experience of impartial research)*]. Moscow, Algoritm Publ., 1999. 560 p. (In Russian)

5. Brachev V.S., Shubin A.V. *Masonry i Fevral'skaia revoliutsiia 1917 goda* [*Masons and the February Revolution of 1917*]. Moscow, Iauza-Press, 2007. 352 p. (In Russian)

6. Brachev V. *Masonry u vlasti* [*Masons in power*]. Moscow, Algoritm Publ., Eksmo Publ., 2006. 640 p. (In Russian)

7. Solov'ev O. F. *Russkie masony. Ot Romanovykh do Berezovskogo* [*The Russian masons. From Romanovs to Berezovsky*]. Moscow, Iauza-Press, Eksmo Publ., 2004. 512 p. (In Russian)
8. Vernadskii G. *Lenin — krasnyi diktator* [*Lenin, the red dictator*]. Moscow, AGRAP Publ., 2000. 309 p. (In Russian)
9. Kraus T. *Lenin. Sotsial'no-teoreticheskaia rekonstruktsiia* [*Lenin. Socio-theoretical reconstruction*]. Moscow, Nauka, 2011. 395 p. (In Russian)
10. Trotsky L. D. *Istoriia russkoi revoliutsii. T. 2. Oktiabr'skaia revoliutsiia. Chast' 2* [*History of the Russian revolution. Vol. 2. The October revolution. Part 2*]. St. Petersburg, Editorial House "Lan", 2014. 398 p. (In Russian)
11. Shafarevich I. R. *Russkii narod v bitve tsivilizatsii* [*The Russian people in the battle of civilizations*]. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., 2004. 448 p. (In Russian)
12. McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1991. 239 p.
13. Aron R. *Demokratiia i totalitarizm* [*Democracy and totalitarianism*]. Moscow, Text Publ., 1993. 303 p. (In Russian)

Author's information:

Gutorov Vladimir A. — Doctor of Philosophy, Professor; gut-50@mail.ru